

Глава 40: Я подожду тебя

—

Хотя Цзи Юйчжоу и нужно было дать Цзян Сюньюю немного времени, чтобы успокоиться, поскольку они давно не виделись, он не мог не беспокоиться о состоянии ребенка. В конце концов, никакие отчеты и фотографии не заменят личной встречи, тем более... Цзи Юйчжоу ясно помнил нежность и ожидание в глазах Цзян Сюньюя при расставании, и не хотел быть слишком суровым.

Он специально ускорил темп инспекций и наконец нашел время вернуться на одну ночь.

Цзи Юйчжоу прибыл домой днем. На следующий день ему нужно было возвращаться. Но он дождался, пока звезды не засияют, а дом по-прежнему был пуст. Цзян Сюньюя не было видно.

Цзи Юйчжоу без колебаний определил местоположение коммуникатора Цзян Сюньюя и обнаружил, что координаты указывают на высококласный бар в главном районе альфа-звезды.

Он нахмурился.

У Цзи Юйчжоу не было предубеждений против баров, но спустя всего несколько месяцев после их последней встречи, ребенок, который раньше был послушным и после школы оставался учиться, теперь отправился искать удовольствия в таких местах. Цзи Юйчжоу почувствовал необъяснимое недовольство.

Он тут же приказал водителю ехать к бару. Когда он вошел в отдельную комнату и увидел Цзян Сюньюя, тот лежал на столе, что-то бормоча.

Цзи Юйчжоу подошел и похлопал его: «...Сюньюй?»

Цзян Сюньюй, опустив голову, дважды промычал, совершенно не собираясь отвечать.

Цзи Юйчжоу беспомощно поднял его на руки.

В отдельной комнате в момент появления Цзи Юйчжоу воцарилась тишина. Люди, стоявшие у входа, тут же выключили оглушительную и ритмичную музыку. Все прекратили свои действия и ошеломленно смотрели на Цзи Юйчжоу.

Смотрели, как он нежно и с некоторым беспокойством улыбнулся Цзян Сюньюю, а затем, поддерживая его, вышел из комнаты.

«Извините, Сюньюй пьян, я заберу его домой».

—

Дверь комнаты закрылась.

Одну секунду, две секунды. В комнате три секунды была тишина, а затем все взорвалось.

«Вот дерьмо?!!!!!!! Ты меня ущипни!!! Мне не показалось?!!!! Живой адмирал Цзи?!»

«Что ты такое говоришь?! Что значит 'живой'???»

«Извините, извините, я просто слишком взволнован! Я впервые видел адмирала Цзи так

близко! Он действительно очень величественен! Одного его взгляда было достаточно, чтобы я не смел шевелиться!»

«У кого не так!!! У меня сердце чуть не остановилось!!!»

Рядом с Цзян Сюньюем, своими глазами увидевший, как длинные пальцы Цзи Юйчжоу легли на плечо Цзян Сюньюя, Шэнь Цюян окаменел.

Он пробормотал себе под нос: «Теперь, даже если сам адмирал Цзи придет и скажет мне, что между ними ничего нет, я все равно не поверю...»

—

Выйдя из бара, свежий ветер и случайное стрекотание цикад немного привели Цзян Сюньюя в чувство. Он поднял глаза, туманно глядя на человека, который его нес.

Знакомый и незнакомый, как человек из его снов.

Цзян Сюньюй прищурился, осторожно позвав: «...Господин Цзи?»

«Мм».

Цзи Юйчжоу спокойно отозвался. Подняв глаза, он встретил затуманенный взгляд Цзян Сюньюя.

Голубые глаза малыша были полны тумана, щеки ярко-красные, как тот недопитый розовый персиковый коктейль, стоявший перед ним в баре.

Цзи Юйчжоу вдруг обрадовался, что Цзян Сюньюй всегда носил большую кепку.

Такой пленительный, чарующий вид достался только ему.

Цзи Юйчжоу посадил растерянного Цзян Сюньюя в машину.

Цзян Сюньюй опьянел от одной рюмки, но вел себя прилично. Сев в машину, он послушно сидел, спина прямая, руки сложены на коленях, голова слегка наклонена. Глаза же были широко открыты, как медные колокольчики.

Цзи Юйчжоу с некоторой усмешкой: «Если устал, поспи».

Цзян Сюньюй как должное ответил: «Я пьян, поэтому и могу видеть господина Цзи... Закрою глаза, и не увижу. Я хочу посмотреть еще немного».

Наверное, из-за опьянения, он говорил гораздо больше, чем обычно, и произношение было не таким четким, детским.

Цзи Юйчжоу почувствовал жалость. Ему было жаль ругать его за то, что он пошел в бар. Он позволил Цзян Сюньюю положить голову ему на плечо: «Спи, я здесь».

Всю дорогу было спокойно.

Цзян Сюньюй спал в полузабытьи. Цзи Юйчжоу не стал его будить и понес в комнату на руках.

Коммуникатор в кармане вдруг зазвонил. Цзи Юйчжоу, боясь разбудить Цзян Сюньюя,

осторожно положил его на диван рядом, а сам отошел, чтобы ответить на звонок.

Запрос на связь был от Ли Ханьцю. Ее нежный голос раздался из коммуникатора: «Вернулся домой?»

«Мм», — кивнул Цзи Юйчжоу, подсознательно оборачиваясь на Цзян Сюньюя на диване, — «Только что приехали».

Через коммуникатор Ли Ханьцю увидела маленький силуэт за спиной Цзи Юйчжоу. Голос ее стал тише: «Это Сюньюй на диване? Почему он там спит?»

Цзи Юйчжоу нахмурился, беспомощно потирая переносицу: «Ребенок каким-то образом попал в бар, выпил немного, опьянел. Я только что забрал его».

Ли Ханьцю тоже нахмурилась, но тут же расслабилась: «Сюньюй вырос».

Она улыбнулась и наоборот, утешила Цзи Юйчжоу: «Это хорошо, тебе не нужно так нервничать».

Они немного поболтали. Ли Ханьцю спросила: «Кстати, в легионе уже должны были разослать бланки с пожеланиями места практики, ты смотрел, что выбрал Сюньюй?»

Цзи Юйчжоу покачал головой: «Еще нет».

Ли Ханьцю посоветовала: «Он всегда тебя слушает. Просто скажи ему, чтобы оставался в главном районе, так будет удобнее за ним присматривать, разве не хорошо?»

«Мама», — в голосе Цзи Юйчжоу звучала беспомощность, — «Ты же знаешь, Сюньюй вырос, он не может вечно оставаться рядом со мной...»

Голос на этой стороне, казалось, был немного громким. Цзян Сюньюй на диване дважды хмыкнул. Цзи Юйчжоу понизил голос и продолжил: «Это хорошо, что он хочет выйти и увидеть мир».

Ли Ханьцю не могла переспорить Цзи Юйчжоу и лишь легко вздохнула: «Зачем тебе это нужно».

«...»

Цзи Юйчжоу не хотел больше говорить на эту тему с Ли Ханьцю. Он сказал пару фраз, велел Ли Ханьцю пораньше лечь спать и поспешно повесил трубку.

Он вернулся к дивану и обнаружил, что Цзян Сюньюй уже сел, обняв колени и съезжившись в углу дивана, маленький комочек.

Его тон невольно смягчился: «Я тебя только что разбудил? Прости, вер...»

«Господин Цзи», — Цзян Сюньюй впервые перебил Цзи Юйчжоу, когда тот говорил. Он поднял глаза. В его голубых глазах скопилась чистая влага, они сияли, и слезы скатились по его щекам при дрожании ресниц.

Цзян Сюньюй дрожащим голосом спросил: «Почему... я не могу всегда оставаться рядом с вами?»

Сознание Цзян Сюньюя было затуманено, но он отчетливо услышал половину фразы, сказанной Цзи Юйчжоу.

Он подумал, что Цзи Юйчжоу перед ним — просто его пьяная галлюцинация, и не мог не почувствовать легкой обиды.

Почему даже в его собственных фантазиях господин Цзи все равно хочет его выгнать?

Беспокойство и тревога, которые долгое время давили на его сердце, наконец вырвались наружу под действием алкоголя. Слезы хлынули ручьем, кончик носа покраснел. Его голос захлебывался рыданиями, слова застревали в горле: «Господин Цзи, прошу вас, не гоните меня. Я... я люблю вас... люблю вас... люблю...»

Долго сдерживаемые чувства наконец нашли слабое место, прорвались, как прорыв дамбы, как лавина.

Под воздействием алкоголя Цзян Сюньюй поднялся и сделал то, что всегда хотел сделать, но не смел.

Он перевернулся и повалил Цзи Юйчжоу на диван. Дрожа, осторожно поцеловал Цзи Юйчжоу в щеку.

Короткое прикосновение, но как искра.

Воздух в комнате стал жарким. Рука Цзи Юйчжоу, собиравшаяся оттолкнуть Цзян Сюньюя, замерла в воздухе.

Цзян Сюньюй лежал на Цзи Юйчжоу, его руки беспорядочно шарили. Он тихонько простонал: «Господин Цзи... я люблю вас».

Одна секунда, две секунды.

Цзян Сюньюй что-то нащупал. Цзи Юйчжоу резко схватил его белые руки и зафиксировал их перед собой.

«...Цзян Сюньюй!»

Его тон был на удивление серьезным, он даже назвал Цзян Сюньюя полным именем: «Успокойся».

Цзян Сюньюй изо всех сил попытался вырваться, но не смог. Ноги его подкосились, он сел на диван, задыхаясь. Его дыхание постепенно выровнялось, лицо все еще было красным, но глаза постепенно затуманились, на их прежней ясности появилась пелена влаги.

Опершись на диван, он снова медленно уснул.

Цзи Юйчжоу долго смотрел на спящее лицо Цзян Сюньюя, молча отнес его обратно в комнату.

—

В три часа ночи Цзи Юйчжоу молча закурил сигарету.

Мутный белый дым застилал глаза. Оранжевый огонек мерцал в темном кабинете. Цзи Юйчжоу глубоко выдохнул и затушил сигарету.

У него не было никотиновой зависимости, он просто использовал это, чтобы оставаться в сознании.

Движения Цзян Сюньюя были неловкими. Когда он беспорядочно шарил, его руки скользнули к талии Цзи Юйчжоу.

Мягкое теплое прикосновение губ ребенка все еще оставалось на коже. Цзи Юйчжоу, стыдно признаться, возбудился, поэтому так поспешно оттолкнул его.

Он вынужден был признать, что почувствовал желание к этому ребенку, из-за которого он снова и снова менял свои принципы.

Нет, на самом деле его уже нельзя было называть ребенком. Просто Цзи Юйчжоу постоянно внушал себе, что Цзян Сюньюй еще маленький, всего лишь ребенок.

Он подсознательно игнорировал свои чувства к Цзян Сюньюю, которые постепенно менялись.

С детства он был независим и давно привык быть один. Но неизвестно когда, он тоже начал привыкать к присутствию рядом тихого, но послушного ребенка.

Вспоминая свою первоначальную цель, с которой он привел ребенка, Цзи Юйчжоу все еще чувствовал себя иронично.

Все его заговоры и расчеты, вся его железная хватка – все потерпело поражение перед чистым, незапятнанным сердцем ребенка.

Вероятно, именно из-за того, что он постоянно все рассчитывал, он незаметно для себя стал заботиться, и в конце концов сам попал в ловушку.

В носу все еще оставался легкий запах табака. Цзи Юйчжоу горько усмехнулся. Вероятно, это было возмездие за его прежнюю холодность и безжалостность.

Он знал, что Цзян Сюньюй любит его, и ясно понимал, что эта любовь основана на лжи и невежестве.

Первоначальная цель взять ребенка под опеку, та прежняя нарочитая нежность – все это теперь превратилось в тонкие длинные серебряные иглы, глубоко вонзившиеся в сердце Цзи Юйчжоу.

Цзи Юйчжоу смотрел в окно, не смыкая глаз всю ночь.

—

Цзян Сюньюй, напротив, спал как убитый всю ночь, без снов, до тех пор, пока солнце не поднялось высоко.

Мозг после пьянки еще не совсем прояснился. Цзян Сюньюй, полусонный, спустился вниз. Увидев Цзи Юйчжоу, сидевшего на диване, его мозг мгновенно завис.

Его лицо резко побледнело, зубы стучали. Слова вырывались сквозь стиснутые зубы: «Господин... господин Цзи... ко... когда вы вернулись?»

Цзи Юйчжоу пристально посмотрел на Цзян Сюньюя: «Вчера вечером».

Все события вчерашнего вечера, живые и яркие, были в голове Цзян Сюньюя, но он никогда не думал, что это не было сном.

Цзян Сюньюй открыл рот, чтобы что-то сказать, но почувствовал, что горло словно что-то заклеило, и ни звука не вышло. Он просто стоял, беспомощно глядя на Цзи Юйчжоу.

Глядя на чистые глаза ребенка, Цзи Юйчжоу тихо вздохнул: «Подойди, сядь».

Цзян Сюньюй прикусил губу, кивнул и сел напротив Цзи Юйчжоу.

«Ты помнишь, что произошло вчера вечером?»

Тело Цзян Сюньюя дрогнуло. Он поспешно извинился: «Простите, господин Цзи, я...»

Слова, сказанные им вчера вечером, казалось, все еще были на губах. Теперь, придя в себя, он чувствовал себя абсурдно.

В конце концов, Цзян Сюньюй прикусил губу. Слова вырвались из глубины горла: «Я вчера вечером... напился. Не принимайте всерьез».

В любви нет ничего, что нужно объяснять, но... сталкиваясь с таким замечательным господином Цзи, он не мог не чувствовать себя неполноценным. Его происхождение, его ненавистные другим необычные глаза... Неужели у него действительно есть право любить господина Цзи?

В глазах Цзи Юйчжоу промелькнуло мерцание огня, но тут же исчезло. «Сюньюй, может быть, в следующем году для практики ты рассмотрим другие военные легионы?»

Цзян Сюньюй вздрогнул, подсознательно сказав: «Прошу вас, не прогоняйте меня...»

Цзи Юйчжоу отвел взгляд, не глядя на испуганное лицо ребенка, готовое расплакаться. «Ты вырос в приюте, а потом всегда был рядом со мной. Тебе стоит выйти и увидеть внешний мир».

Это было решение, принятое им после ночных размышлений.

Будь это кто-то другой, Цзи Юйчжоу не стал бы столько думать. Но это был Цзян Сюньюй, этот чистый и невинный ребенок. Цзи Юйчжоу не мог сломать ему крылья, прежде чем он увидит внешний мир.

Если после знакомства с внешним миром ребенок захочет вернуться, захочет остаться рядом с ним, он навсегда заключит его рядом с собой и больше не смягчится, сколько бы тот ни молил.

Цзян Сюньюй, стиснув зубы, все еще отчаянно пытался: «Но... я просто хочу остаться рядом с вами».

Цзи Юйчжоу прикрыл глаза, медленно открыл их, стиснул зубы. Выражение его лица стало холоднее.

«Сюньюй, я не так хорош, как ты себе представляешь».

Его тон был ровным, слово за словом: «Я привел тебя сюда, только чтобы использовать тебя».

«У тебя особый цвет глаз и замкнутый характер. С небольшой помощью ты можешь быть полезен мне. Я приютил тебя раньше, чтобы вырастить из тебя моего доверенного человека,

чтобы отправить тебя в пиратскую группировку в качестве шпиона».

Цзян Сюньюй постепенно замолчал. Он опустил взгляд, но свет в его глазах не погас.

Через мгновение Цзян Сюньюй, дрожащим голосом, заговорил: «Вы скажете мне идти, и я... я пойду...»

«Ты еще не понимаешь? Я не хороший человек», — в глазах Цзи Юйчжоу мелькнула жалость. «Я сейчас даю тебе возможность увидеть внешний мир, получить новые знания, жить лучше, а не просто быть привязанным ко мне».

Впервые Цзи Юйчжоу открыл свою душу перед другим человеком.

Пешке не нужно знать больше. Но между влюбленными должны быть искренность и равенство. Он добровольно раскрыл свою темную сторону Цзян Сюньюю.

Едва Цзи Юйчжоу закончил говорить, Цзян Сюньюй еще не успел открыть рот, как стоявший в стороне охранник с некоторым затруднением подошел к Цзи Юйчжоу: «Адмирал Цзи, нам действительно пора идти, иначе мы опоздаем с сегодняшним расписанием».

«Понял».

Цзи Юйчжоу кивнул, склонив голову, и пристально посмотрел на Цзян Сюньюя, который все еще сидел, опустив голову. Ребенок съежился, дрожа, как упавший в воду зверек.

Глаза Цзи Юйчжоу слегка изменились.

Он наклонился ближе, его тонкие губы коснулись мочки уха Цзян Сюньюя. Голос стал тише, в нем не было ни капли холода, только нежная привязанность: «Иди, я подожду тебя».

Он передал выбор ему.

Цзи Юйчжоу выпрямился, глубоко взглянул на Цзян Сюньюя, сидящего на месте, повернулся и ушел с охранником.

Цзян Сюньюй сидел на диване, обхватив колени руками. Сердце его сжималось и качало кровь, лицо постепенно горело. Его прежде смятое сердце было нежно разглажено.

Господин Цзи постоянно говорил, что он нехороший человек, но совершал самые нежные поступки.

Цзян Сюньюй не смел думать о том, было ли в словах господина Цзи «я подожду тебя» то глубокое значение, на которое он надеялся. Но уже одного только откровения такого глубокомысленного господина Цзи было достаточно, чтобы потрясти его до глубины души.

Он глубоко вздохнул, вытер слезы с лица, достал из портфеля бланк заявки, зачеркнул то, что написал про штаб Второго легиона, снова долго подумал и написал название гамма-звезды, очень далекой от их альфа-звезды.

Направление развития гамма-звезды отличалось от альфа-звезды, там был развит высокий уровень исследований и технологий. Это было именно то направление, в котором Цзян Сюньюй преуспевал.

Раньше Цзян Сюньюй всегда боялся, что господин Цзи возненавидит его и выгонит. Сейчас он

наконец-то осознал, что все, что делал господин Цзи, было ради него, а не потому, что он презирал его необычную внешность и странный, неинтересный характер.

Если господин Цзи хочет, чтобы он увидел внешний мир, то он пойдет.

Посмотреть на восходы и закаты, увидеть экзотические места, получить новые знания, совершенствовать себя.

Через год, если господин Цзи все еще захочет его, он все равно без колебаний вернется и встанет рядом с господином Цзи.

Чтобы помогать ему, поддерживать его, а не просто зависеть от него.

—

<http://bllate.org/book/12842/1131915>